

Толстяк остолебенел от неожиданности и никак не мог понять мыслей Лоу Синцы.

— Почему, брат Лоу? Сейчас только с университетом можно выбиться в люди, работать в высотных зданиях, чтобы тебя уважали. У меня в этой жизни уже нет шансов, но почему ты отказываешься от этой возможности?

Толстяк в волнении крутился на месте. В его скудном понимании мира только университет мог изменить судьбу. Он хотел, чтобы Лоу Синцы жил лучше, чем он сам.

Выражение лица Лоу Синцы оставалось холодным, будто ему было всё равно:

— Моих сбережений не хватит, чтобы учиться нам двоим, поэтому я хочу, чтобы старший выбился в люди и его уважали. Что до меня... мне уже всё равно.

Но скомканный край одежды выдавал истинные мысли Лоу Синцы — на самом деле ему было не всё равно, просто он заботился о Шэнь Юньтине гораздо больше.

Услышав эти слова, Толстяк и разозлился, и растревожился, но не знал, что сказать. Лоу Синцы безоговорочно хорошо относился к тому, кого называл старшим, и это было не первый день — Толстяк много раз пытался его отговорить, но безуспешно.

Спустя долгое время Толстяк выдавил:

— Брат Лоу, ты правда так сильно его любишь? Стоит ли выкладываться ради него без остатка?

Лоу Синцы ответил всего четыре слова:

— Люблю, стоит.

Толстяк: «...»

Тут Толстяку стало нечего сказать. Если Лоу Синцы сам так хочет, какой смысл говорить лишнее? Только разозлишь его.

Неожиданно Лоу Синцы повернул голову и взглянул на покрасневшего от волнения Толстяка, а потом вдруг сказал:

— Весь в пыли. Я сначала схожу к тебе помоюсь, а потом вернусь.

С этими словами Лоу Синцы неожиданно улыбнулся. Под палящим солнцем его улыбка казалась особенно болезненной, даже глаза заволокло тенью.

— Старшему нравится, когда я послушный. Нельзя, чтобы он узнал, что я дрался, нужно скрыть это от него. Иначе он поймёт, что я непослушный, и уйдёт от меня. Я не могу позволить ему уйти.

Лоу Синцы помылся в доме у Толстяка и заодно постирал одежду. Не дожидаясь, пока она высохнет, он натянул её на себя и вернулся в подвал.

Как только он вошёл, в нос ударил аппетитный запах. Присмотревшись, он увидел, что Шэнь Юньтин уже сварил лапшу и, убирая кухонный мусор, подзывал его поесть.

— Ты вернулся. От нечего делать я сварил лапшу, и как раз ты пришёл. Иди попробуй, я в первый раз готовлю, не знаю, какой вкус получился.

Закончив, Шэнь Юньтин наклонился, завязал пакет с мусором и, подняв взгляд на стоящего в дверях Лоу Синцы, заметил, что его одежда насквозь промокла. Он слегка нахмурился:

— Снимай мокрую одежду... Сначала переоденься.

Но не успел он договорить, как парень, очень послушно сняв верхнюю одежду, — неизвестно о чём думая, — медленно покраснел лицом и произнёс голосом, тише комариного писка:

— Старший, мне в прошлом месяце исполнилось восемнадцать. Это не противозаконно...

Шэнь Юньтин: «???»

Неужели он выглядит таким похотливым?

Мысли Шэнь Юньтина всё ещё застряли на том, не обидел ли кто Лоу Синцы, пока тот выходил, и он никак не мог понять, о чём думает парень. Ему хотелось поскорее развеять недоразумение и восстановить свою репутацию.

Он поспешно сказал:

— Ты неправильно понял. Я хотел, чтобы ты сначала переоделся в сухое, а не то простудишься, как я.

С этими словами Шэнь Юньтин повернулся, открыл шкаф и принялся искать чистую одежду для Лоу Синцы. Отвернувшись, он не заметил, как Лоу Синцы опустил голову, глаза его постепенно стали странными, а щёки надулись.

— Соблазнить старшего не удалось. Обидно.

Одежда и брюки в шкафу были великоваты — явно вещи прежнего хозяина. В шкафу не было одежды Лоу Синцы. Так где же лежала его одежда?

Шэнь Юньтин уже хотел спросить.

Но Лоу Синцы заговорил первым:

— Старший, мои другие вещи я вчера постирал, они сейчас висят снаружи и ещё не высохли.

Шэнь Юньтин уловил ключевую информацию из слов Лоу Синцы: у того было всего два комплекта одежды. Взглянув на яркие наряды в шкафу, Шэнь Юньтин всё больше убеждался, что прежний хозяин был подлецом.

Он наугад взял из шкафа рубашку и брюки и протянул парню:

— Сначала надень мои. Может, великоваты, но потерпишь.

Щёки Лоу Синцы слегка покраснели, улыбка стала застенчивой:

— Спасибо, старший.

Шэнь Юньтин заметил, что в руках Лоу Синцы всё ещё мокрая одежда, и тот не может освободить руки. Он хотел было помочь ему переодеться, но, когда его пальцы коснулись кожи парня, его словно обожгло, и он тут же отдернул руку.

То ли из-за недоедания, то ли от природы, кожа Лоу Синцы была белой, как у лучшего фарфора, без единого изъяна, на ощупь — как гладкий тёплый нефрит.

В конце концов Шэнь Юньтин решил забрать у него мокрую одежду, легонько кашлянул и, чувствуя себя неловко, отвернулся:

— Переодевайся сам, а я пойду повешу твою мокрую одежду сушиться.

Возможно, заметив неловкость Шэнь Юньтина, Лоу Синцы взял сухую одежду и брюки и повернул в маленькую ванную рядом, тихо заперев дверь.

Вдруг он прислонился спиной к двери, слегка согнувшись, точно наркоман, уткнулся лицом в одежду в руках и глубоко вдохнул, глаза его наполнились одержимостью и жадностью.